

Вероника Кунгурцева

Вероника Кунгурцева

ДЕВУШКА С ВЕСЛОМ

ЕШ
Редакция
Елены
Шубной

Москва
АСТ

УДК 821.161.1-31
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
К91

Художник *Игорь Сакуров*

Дизайн — *Антон Ходаковский*

Кунгурцева, Вероника Юрьевна.

К91 Девушка с веслом : [роман] / Вероника Кунгурцева. — Москва : АСТ : Редакция Елены Шубиной, 2015. — 446 [2] с. — (Проза: женский род).

ISBN 978-5-17-086172-9

Сказочный сюжет нового романа Вероники Кунгурцевой — русской Джоан Роулинг, как ее окрестил критик Лев Данилкин, — как всегда помещен в остросоциальную реальность. Действие разворачивается накануне Олимпиады в некоем южном городе, куда высадился подозрительный десант: говорящая собака, лесная нимфа и фокусник-душеприказчик. Странная троица нагрянула в обычную семью и развязала цепь причудливых событий. Герои всеми силами сопротивляются наступающей на их дом стройке века, привлекая на свою сторону всё — включая потусторонние силы и... девушку с веслом.

УДК 821.161.1-94
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-086172-9

© Кунгурцева В.Ю.
© ООО «Издательство АСТ»

И.Х. посвящается

Глава 1

ТЕЛЕСТУДИЯ

Кулаков достал из почтового ящика очередное письмо, адресованное матери, со срочным уведомлением о вручении главного приза в один миллион рублей; для этого Кулаковой А. П. предлагалось выслать ООО «Русбьюти», на а/я 39 в Москве, — две тысячи, заказав книги из списка: «Жизнь без боли в пояснице», «Английский за 24 часа», «Практическая магия школьника» и т.п.; в прошлый раз это был набор кастрюль. Мать велась на такие аферы, мечтая осчастливить родных (в девяностые она разом лишилась многолетних накоплений на сберкнижке и верила, что, согласно туманной высшей справедливости, должна каким-то образом — пусть и в виде пугающего выигрыша — вернуть утраченное). Зимой по секрету от сына она послала очередному ООО деньги, ожидая получить кроме коричневых сапог с опушкой бронзовую «Тойоту», которая печатно была ей обещана. Однако даже сапоги матери не прислали. О том, что Антонина

Петровна переводит деньги аферистам, Кулакову приватно сообщили в почтовом отделении. Вырвав у старухи четверть пенсии, кудесники из ООО временно затаились, а по весне подняли головы и вновь принялись бомбардировать Антонину Петровну искусительными письмами. Мать, в суতোлке дней забывшая про неполученные сапоги, заговаривала про то, что при советской власти была такая услуга — «Книги — почтой», и что, дескать, в этом плохого?!

В конверт была вложена распечатка с фотографиейми директора ООО «Русбьюти» с полуоткрытой, точно консервная банка, хищной улыбкой и двух пенсионеров, напропалую хваставших, как они распорядились своим выигрышем: старушка оплатила учебу внука в МГУ, старик съездил в Египет. Их выигрыш составил *всего-то* триста тысяч! Кулаков опасался, что это не первое письмо от фарисеев-книжников, что мать не выдержит натиска и вновь отправит мошенникам кровные пенсионные денежки — но уже не с сельской почты, где все ее знают, а из Города.

Из-за гигантской пробки Кулаков вынужден был выйти из маршрутки возле санатория имени Серго Орджоникидзе — тут отдыхали когда-то советские труженики, здесь в пятидесятых годах снимали «Старика Хоттабыча» и отсюда уволили намереди полтысячи работников (по слухам, премьер подарил сталинский дворцовый комплекс гимнастке) — и топать до работы пешком. Впрочем, он любил ходить, но только не вдоль трассы, запруженной машинами, где встречные пальмы провоняли бензином до кончиков сухих ногтей на растопыренных пальцах, когда в затылок прицельно бьет солнце — желтый снайпер, засевший в небе.

В вахтенной сторожке дежурили Гога и Магога: Гоша Бутко и Георгий Пята, оба в армейском камуф-

ляже, Пята отличался от Бутко треугольником тельняшки на груди. Охранники сидели рядком у телевизора, но, когда Кулаков прошел через металлическую вертушку-карусель, Гоша Бутко лениво поднялся, подошел к столу и склонился, что-то записывая. К воротам со стороны студии подъехала съемочная «газель»: дернулся и Пята, чтобы нажать кнопку и поднять шлагбаум.

Коридоры студии были пусты, и девчонок еще не было... Дверь в кабинет Ольги Митрофановны Прянишниковой, его начальницы, была приоткрыта — на удивление явилась раньше всех! Кулаков решил выяснить, как там дела с его заявкой на передачу, он топтался у входа, раздумывая, надо ли, затем обругал себя тряпкой, постучал и вошел.

Ольга, по своему обыкновению, резалась в картишки с компьютером. Она уж даже и не скрывалась. Кулаков терпеть ее не мог: пару лет назад она перехватила его должность — он был уверен, что руководителем редакции художественных программ назначат его. Видимо, он недостаточно хотел этого. А грудастая дама с густыми красными волосами — будто киллер вытер об ее седеющую голову испачканные ладони — постаралась сделать все, чтобы стать во главе художки. Хотя существовало негласное правило: режиссеров руководителями не назначать, а Ольга была режиссеркой — и нате вам: стала начальницей редакции! Ей оставался год до пенсии, но Кулаков опасался, что еще несколько сезонов под ее началом не протянет: настроение климактерички менялось чуть не каждый час. Он надеялся, что, выйдя на пенсию, начальница эмигрирует к дочери в Грецию: Лариса — закатный ребенок безмужнего режиссера, прижитый от спившегося диктора, — вышла замуж за грека, с которым

училась в институте культуры, и теперь с трудом управлялась в этой вальяжной и жаркой Греции с двумя детьми и престарелыми родителями мужа. Ольга то и дело талдычила о своих греческих планах. Но вдруг посиделки с компьютером в отдельном кабинете все-таки переселят родительское притяжение — и пенсионерка Прянишникова по-прежнему будет владычицей редакции?! Тут еще бабушка надвое сказала.

В гетто художки Кулаков сбежал несколько лет назад из молодежной редакции, а перед этим работал в «Новостях», изо дня в день гоняя по Городу с высунутым языком. Боже, как он устал! Ну что им стоит дать ему наконец персональную программу, если уж отняли возможность снимать документальные фильмы.

— Программу ему подавай! — Пасьянс у начальницы не складывался, и она была не в духе. — А эфирное время кто будет оплачивать?.. Пушкин? В кадре покрасоваться — это всякий сумеет, а ты спонсора найди! — В глаза Прянишникова не смотрела, уставившись в экран монитора. — И нашел время, Кулаков! Вы бастовать, что ли, вздумали?! Кофту звонила сейчас, кашляла в трубку, у Сердюковой ребенок отравился, у Воропаевой — давление. Знаю я ваши болезни! Не редакция — грыжа, которую вырежут в конце концов. Да, да! Блезнюк приказал: кровь из носу — чтоб «Дневник кинофестиваля» был каждый день, и чтоб без повторов! Что, не знаете: договоренность у него с москвичами. Не хочет в грязь лицом ударить — новая-то метла!

Сундучок-кондиционер, застрявший в форточке — ни туда ни сюда, — надсадно гудел, силясь вывалиться наружу; в кабинете, обставленном траурной

офисной мебелью, державшейся на икейных соплях, веяло погребальным холодом.

— Коль программа заявлена — так и снимайте, — талдычила свое Ольга. — Раз в году-то вы можете оторвать свои задницы и хоть что-то сделать, совсем разленились! Так что, Володенька, придется тебе постараться. Кончится кинофестиваль — тогда и поговорим о твоей передаче. Пиши концепцию, обсудим. Ах да, ты написал... Помню, помню! Ты не думай: я Блезнюку передала, он смотрит. Иди, Володя, иди, бери Брагинца, ноги в руки — и бегите! И учти: нужна какая-то звезда, лица нужны узнаваемые, а то вчера пона снимали шваль всякую, кому они нужны. Крутиться надо, Володечка, кру-тить-ся, а ты погас. Беги, Володя, беги!

Кулаков, выйдя в коридор, сплонул: сегодня была очередь Ирки Кофтун делать «Дневник кинофестиваля»; вчера он едва успел смонтировать передачу к эфиру, пришел домой — и повалился, весь в мыле, а сегодня — снова здорово! И куда бежать? В такую рань звезды, приехавшие в приморский город отдохнуть, потусоваться, еще дрыхнут, ловить на гостиничном пляже ранних пташек — любительниц позагорать — глухой номер: актриски без макияжа откажутся сниматься. Обычно Кулаков договаривался накануне, звонил в «Жемчужину»: кто-нибудь да соглашался дать интервью. Соскочивших девчонок понять можно, этот кинофестиваль — сплошная головная боль: столичные звезды, узнав у налетчиков с камерой и микрофоном, что они не с первого-второго канала — или, на худой конец, канала «Культура», — а с местной телестудии, скучнели и всячески от интервью отмазывались, на десяток «нет» приходилось одно «да», а выслушивать отказы — как прямые, так и завуалированные — было, конечно, унижительно, особенно женщинам. К фести-

валю в редакции приутоговлялись заранее, как к неизбежному злу, вроде безбожно растянутого похода к стоматологу. Местная обтёрханная культурная элита перед телевизионщиками заискивала, так что в остальное время — кроме этих злополучных двух недель июня — самолюбие журналистов художки не страдало. Впрочем, Ирка Кофтун, тщедушная блондинка с плоским монгольским лицом, умела раскрутить на интервью престарелых актеров, так что, скорей всего, она и впрямь простудилась, а вот сорокалетней Сердюковой и растолстевшей Воропаевой не везло; сегодня они постарались просто-напросто свалить. Кулаков и сам мог бы взять больничный, не проблема, но после этого он бы совсем перестал себя уважать. Но все же как это унизительно — выпрашивать интервью у актеров с бодуна или у актерок, только-только выползших из режиссерских постелей. Тоска, тоска...

Комната операторов располагалась в полуподвале. Юра Брагинец лежал на диване, затянутом желтой парчой, в жар-птицах, захватанных жирными пальцами, — реквизит, принесенный из зальчика, жавшегося к телевизионному павильону (туда сваливалось всякое барахло, скопившееся на студии за шестьдесят лет), и читал «Розу мира»; Брагинец был стар, одинок, тратил всю зарплату на вздорожавшие книги, порой недоедая и недопивая. Наискосок, пристроив на коленях ноутбук, сидел в сломанном зубоврачебном кресле (тоже реквизит) Коля Недошитко, показывая зрителям грязные подошвы кроссовок, курил и азартно выстукивал комментарии в «Живом Журнале»; Недошитко топал по Интернету страшным троллем и порой как-то раздваивался: не успевая перестроиться, отвечал непозволительно агрессивно для реальности,

не ограниченной тесными рамками монитора. Остальные операторы были на выезде.

Всякий корреспондент знает: резко отрывать операторов от их излюбленных занятий не стоит — рассерженный оператор наснимает такого говна, что ни на одном монтаже не расхлебашь. Следовало обождать.

— Есть ли жизнь в Интернете? — задал Кулаков риторический вопрос и в ответ услышал:

— А не пошел бы ты, Славыч!

Отчество у Кулакова было Святославович, что в сочетании с именем Владимир оказалось не по зубам ни одному сотруднику телестудии, поэтому до сорока двух лет он все был Володя, иногда Славыч; порой Кулакову казалось, что начальство не решается втащить его хотя бы на первую ступеньку карьерной лестницы из-за непроизносимых имени-отчества; впрочем, Ольга Митрофановна — не намного лучше...

— Жизнь в преисподней кипит, — констатировал Кулаков, усаживаясь в пустое кресло с ножками и подлокотниками в виде львиных лап. (Кто-то записывал на подлокотниках чернильные номера телефонов, кто-то складывал цифры, кто-то малевал рожицы — но, видать, давненько это было, до эпохи компьютеров и мобильной связи.)

Настенный телевизор бормотал шершавым провинциальным говорком старшего Малахова:

— Я не люблю, когда мужчину подвигают на вегетарианство. Мужчина — всегда охотник, всегда победитель, это всегда мышцы. А поэтому животный белок: говядина, кролик, индейка, рыба, особенно морская, жирная. Но, конечно, в правильном количестве.

Пошелкивая пультом, Кулаков наткнулся на выпуск новостей с сюжетом о натовских бомбежках Ливии: диктор без особого успеха старался проскользнуть

между Сциллой и Харибдой, желая угодить и Западу, и Востоку. Кулаков нажал на кнопку — ведущий поперхнулся на имени: Кад... «Дафи» осталось по ту сторону погасшего экрана.

— Ты смотри, что творится! — закинул удочку Кулаков (вторым увлечением Брагинца была политика). — Неужто третья мировая начинается, а, Юр?! Дожили! Этак Америка скоро и до нас доберется...

Брагинец отложил черную «Розу мира», спустил ноги с дивана, сунул очки в карман и, перемежая слова тяжкими вздохами, заговорил:

— А чего ж ты хочешь, Володя? Конец света майя возвестили в 2012 году? Возвестили. А сменщики индейцев по материкку приводят тот план в действие. Им деваться некуда, у них мозги так заточены: может, и хотели бы повернуть вспять — да не могут, управляют ими...

— Кто управляет? Масоны? Мировая закулиса? Опять еврейский заговор?! — проворчал тролль Недошитко. — Надоело слушать... Заговор банкиров? Так им тоже жить охота! На фига им конец света устраивать, мужики, охренели вы совсем, что ли?!

— Ни то и ни другое... Ты вот не дослушаешь, Николай, и сразу в бутылку лезешь. Я прочитал у Даниила Андреева, — постучал по обложке Брагинец, — это сын Леонида; в школе, небось, изучал «Рассказ о семи повешенных»? Дескать, под каждой державой живет существо такое жуткое — уицраор, навроде дракона или кракена, величиной эдак с материк. — Брагинец, читая очередную книгу, полностью подпадал под ее влияние; в эту неделю он был адептом «Розы мира». Недошитко присвистнул. — Да, да, Коля, — продолжал старый оператор, — это как бы не в нашем измерении происходит, а...

— Да понял я, другой уровень, — кивнул Недошитко, знавший толк в компьютерных играх.

— Ну да. Вот глядите, чего Даниил Андреев тут пишет, — Брагинец вернул очки на нос и прочел: — «...На почве Второй мировой войны с головокружительной быстротой вырос до умопомрачительных размеров иицраор Америки. Казалось, гряда небоскребов отделена теперь от Европы не океаном, а лужей воды. Этот иицраор сумел объединиться со своими дальними родственниками в Западной Европе и расположиться так, что его щупальца шарили чуть ли не у всех границ Советского Союза». Во-от... А теперь те щупальца и до Кремля дотянулись...

— Да уж давно ихний иицраорище нашего на лопатки положил, — вмешался Кулаков, — еще в девяностых. Наш иицраор сейчас агонизирует.

— Нет, Володя, иицраор наш, конечно, измельчал, ужался, потерял много голов в битве, но живехонек. Жив, жив, курилка! Он сил поднабрался за двадцать-то лет от земли-матушки, магмой насытился и теперь к последнему броску изготовился. Американец, само собой, силен сейчас как никогда, арабских иицраорчиков за загривки таскает, мордой в дерьмо тыкает, всех хочет под себя подмять. Подмял уж Восточную-то Европу, да и Западную; дальних-то родственников, седьмую воду-то на киселе, вот-вот скушает — чтобы самому воцариться. Отсюда и глобализация. Иицраор тот и затачивает мозги своих америкашек: Пентагона, сената, да и простых людишек, — на войну. Ему-то конец света только в радость. Вот мы тут сидим, лясы точим, а где-то там, на нижнем уровне, в страшной огненной пучине буча идет: гоняется иицраор-американец за аравийцем, а тот — от него. «Крагр» та пучина называется. А наверху страны вою-